

Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности

А.Г. Вишневецкий

Призрак иммиграции

По Европе, Америке, а также и по России бродит очередной призрак: на сей раз призрак нелегальной иммиграции. Усилить борьбу с этим злом требуют многие — от Вашингтона до Москвы. В их голосах звучит ностальгия по старым, добрым временам, когда границы — на замке и можно было не церемониться с назойливыми чужеземцами. Но слышна и растерянность, порожденная неясным осознанием того, что возврат к тем временам едва ли возможен.

«В 1953 г. начисто лишенный какой бы то ни было сентиментальности старый солдат по имени Айк (Дуайт Эйзенхауэр. — *Ред.*) приказал провести операцию "Мокрая спина" по выдворению из Штатов всех нелегальных эмигрантов. Может ли хоть кто-нибудь представить себе мистера Буша, приказывающего выдворить из Соединенных Штатов пять или десять миллионов нелегалов?» — с горечью вопрошает Патрик Бьюкенен¹. Известный американский политик перечисляет серьезные угрозы, проистекающие от неумеренно либерального отношения к нелегальным мигрантам, и под этим перечнем подписались бы и лидер французского Национального фронта, и многие российские губернаторы и милицейские начальники, а с некоторыми оговорками, — и автор этих строк.

Понимать, чем чревата незаконная миграция, безусловно, необходимо. Но проблема нелегальной миграции имеет и другие аспекты. Не окажется ли этот социальный феномен и связанные с ним риски лишь видимой частью айсберга, столкновение с которым грозит разрушить непотопляемый на вид европейско-американско-российский корабль современной городской цивилизации? Что находится там, в подводной части надвигающейся на нас ледяной горы? И не мешает ли нагне-

---

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. С. 172.

тание страстей вокруг незаконной миграции увидеть реальные опасности завтрашнего дня и заблаговременно к ним подготовиться?

В самом деле, что такое массовая нелегальная иммиграция, как не тень, отбрасываемая массовой иммиграцией вообще, ее неизбежный спутник в условиях, когда принимающие страны пытаются регулировать число мигрантов, а предложение превышает спрос? Поток желающих въехать в страну рассекается на две части: на тех, кому это дозволено, и тех, кому запрещено. Напор со стороны оставшихся за бортом и становится источником нелегальной миграции. Так что в основе данного явления лежит настороженное отношение к иммиграции вообще, причем нелегальная иммиграция — это лишь свидетельство того, что миграционные потоки не удастся поставить под жесткий контроль.

Демографический императив для «северного кольца»

СССР был одной из первых стран в мире, где во второй половине минувшего века установилось такое соотношение рождаемости и смертности, которое делало невозможным простое воспроизводство поколений. Это произошло в 1964 г.; в 1992 г. естественный прирост населения России сменился его естественной убылью. А так как естественный прирост населения страны являлся основным источником его общего роста, то сразу же началось и его сокращение.

Речь идет не о временном кризисе, по завершении которого все встанет на свои места и Россия вернется к расширенному воспроизводству населения, а об устойчивых переменах в массовом демографическом поведении. Они охватили население практически всех государств Европы, США, Канады, Японии. Вместе с Россией эти государства образуют так называемое «северное кольцо», а из стран, расположенных к югу от экватора, к ним относятся только Австралия и Новая Зеландия.

При сохранении нынешних демографических тенденций никакой серьезной перспективы роста численности населения в странах «северного кольца» нет. Даже при самом оптимистическом варианте оно может лишь незначительно увеличиться за счет Северной Америки. Население же России, так же как и всей Европы, обречено на сокращение (см. таблицу).

Долгосрочный — до 2100 г. — прогноз состояния численности населения России, впервые составленный недавно российскими демографами, подтвердил, что без крупномасштабных миграционных вливаний ее население будет быстро сокращаться³. Экстраполяционный, т. е. в

основном предполагающий сохранение современных тенденций миграции, вариант прогноза предсказывает, что число жителей России в 2050-м с высокой вероятностью будет ниже 100 млн, в 2100-м — ниже 70 млн человек. В прогнозе рассматриваются, конечно, и различные сценарии изменений рождаемости и смертности, но даже самые благоприятные из них не позволяют надеяться на перелом обстановки.

Население развитых стран по прогнозу ООН, млн. чел.²

	1950 г.	2000 г.	Варианты прогноза		
			низкий	средний	высокий
Все развитые страны	813	1194	1084	1220	1370
В том числе					
Европа	547	728	565	632	705
Европа без России	444	582	473	531	593
Россия	103	146	92	101	112
Северная Америка	172	316	391	448	512
Япония	84	127	101	110	119

Особая ситуация с Северной Америкой вынуждает внимательнее присмотреться к опыту Соединенных Штатов. Эволюция и перспективы демографического развития в России и США заметно различаются. В 1950 г. оба государства были крупнейшими по численности населения после Китая и Индии. СССР занимал третью позицию, Соединенные Штаты — четвертую, но даже если брать только Россию в ее нынешних границах, то, уступая США третье место, она занимала четвертое. Согласно прогнозам, к 2050-му г. Россия будет замыкать второй десяток стран, а США сохранят свое третье место. Секрет состоит в готовности этой страны принимать огромное количество иммигрантов. С демографической точки зрения Соединенные Штаты представляют собой тот альтернативный путь, в котором нуждается и Россия.

В самом деле, замедлить или прекратить сокращение населения России может только реализация стратегии активного привлечения

² Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2002 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

³ Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Книжный дом «Университет», 2004. С. 173 — 195.

иммигрантов. Предполагающий такую стратегию стабилизационный вариант прогноза говорит о том, что для стабилизации численности населения России на уровне начала XXI в. необходимо уже сейчас обеспечить, наращивая примерно до середины века очень высокие объемы нетто-миграции в Россию.

При такой стратегии среднегодовое число оседающих в стране иммигрантов должно после 2025 г. заметно превышать 1 млн человек, вследствие чего будет быстро меняться состав населения России, в том числе, разумеется, и этнический. К середине XXI в. мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности составят свыше трети населения нашей страны, во второй половине столетия могут превысить его половину, а к концу века потомки сегодняшних россиян окажутся уже в явном меньшинстве. И снова речь идет отнюдь не о специфически российской ситуации: в сходном положении находятся и многие другие страны «северного кольца». Согласно расчетам экспертов ООН, произведенным несколько лет назад, поддержание с помощью миграции неизменной численности населения таких стран, как Германия или Италия, также означало бы, что к середине столетия доля мигрантов и их потомков в населении этих стран приблизилась бы к 30 %⁴. Как и в России, впоследствии она, конечно, продолжала бы возрастать.

Подобные прогнозы, казалось бы, укрепляют позицию противников иммиграции, не без оснований твердящих об угрозе потери российской, европейской, американской, японской идентичности. Их аргументация поначалу производит впечатление, но вскоре становится ясно, что она строится на акцентировании, а часто и преувеличении отрицательных последствий приема большого количества мигрантов. Между тем не менее важно учитывать и его положительные последствия — демографические, экономические и иные. Бесспорно, быстрое нарастание доли пришлого компонента несет с собой немалые опасности, но связанные с ним выгоды ложатся на другую чашу весов, которая может оказаться тяжелее.

Экономические козыри иммиграции

Каким образом альтернативные миграционные стратегии могут сказаться на экономике России?

---

⁴ United Nations (2000), "Replacement Migration: Is A Solution to Declining and Ageing Populations?" N. Y., ESA/P/WP. P. 160.

Убыль населения страны по экстраполяционному варианту будет к тому же сопровождаться сокращением числа потенциальных работников — прежде всего людей в трудоспособном возрасте (по современным критериям — мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет). Число таких людей (далее — трудоспособного населения) на протяжении последних пяти десятилетий, несмотря на некоторые колебания, в целом все время росло. Этот рост продолжается еще и сейчас, но он сохранится недолго. Экстраполяционный прогноз предсказывает, что уже с 2006 — 2007 гг. начнется быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. К 2050 г. их может оказаться на 45 % меньше, чем было в 2000 г., а к 2100 г. останется около 35 % от исходного числа начала века.

Если бы удалось реализовать стабилизационный вариант, положение было бы иным. Сокращение числа трудоспособного населения неизбежно и при таком варианте (это связано с меняющимся возрастным составом), но оказалось бы намного менее значительным и продолжалось бы, скорее всего, только до середины века. К этому времени оно сократилось бы менее чем на 15 % от уровня 2000 г., после чего наступила бы стабилизация.

Дело, однако, не только, а возможно, даже и не столько в количестве трудовых ресурсов, сколько в их структуре. Сокращению числа работников могут быть до известного предела противопоставлены повышение качества трудовых ресурсов, лучшая профессиональная подготовка, рост производительности труда и т. д. Но есть структурные ограничения, которые сохраняются даже при самом благоприятном изменении качественных характеристик.

Чтобы смягчить проблему старения экономически активной части населения, требуется дополнительный приток молодежи, а создать его в условиях низкой рождаемости может только иммиграция. Но что еще более важно, миграция может являться фактором формирования социальной пирамиды.

Богатеющие общества с более высоким уровнем образования и квалификации и быстро растущим средним классом неизбежно нуждаются в пополнении «низа» социальной пирамиды за счет притока менее квалифицированных и менее притязательных работников извне. Такой подход всегда применялся во всем мире при комплектовании трудовых ресурсов современных городов, особенно крупных. Их население первым «перешло» к низкой рождаемости и перестало воспроизводить себя. Но оно постоянно пополнялось сельскими жителями, согласными на жизнь в условиях, уже неприемлемых для горожан во втором и третьем поколении. И именно та-

кого рода крупные городские центры, быстро растущие за счет пришлового населения, становились главными локомотивами экономического развития и роста национального богатства. Что касается СССР, то долгие годы деревня была его внутренней колонией, жесткая эксплуатация которой позволила провести ускоренную модернизацию советского общества. А одним из главных механизмов такой эксплуатации была постоянная перекачка дешевой рабочей силы из деревни в город.

Настало, однако, время, когда внутренние источники притока подобных трудовых ресурсов в современные сектора экономики во многих странах, в том числе и в России, оказались исчерпанными и им понадобились новые, внешние источники. Так образовались экономические и социальные ниши, которые больше не хотят заполнять западные европейцы, а у нас — россияне, но которые с удовольствием заполняют не столь притязательные выходцы из бедных стран. Более того, поначалу они готовы закрепиться в городе даже на самых невыгодных для себя условиях, что открывает огромные возможности повышения «нормы эксплуатации» и быстрого обогащения эксплуататоров, новой формы «первоначального накопления капитала», очень важного для такой сравнительно бедной страны, как Россия (а таковыми сразу после Второй мировой войны были и европейские страны). По сути, иммиграция из менее развитых в более развитые страны представляет собой еще одно проявление «неоколониализма» со стороны последних. Как всякий колониализм, он много дает обеим сторонам, между которыми, однако, нет равенства. Как и любой колониализм, он лицемерен: наживаясь на дешевом труде приезжих, он одновременно обвиняет их в том, что они-де грабят Россию (Францию, Германию и пр.), пользуясь социальными льготами или отсылая на родину часть заработанных денег.

Иммиграция выгодна для стран-реципиентов, так как является одним из необходимых условий эффективного использования их относительно высокого человеческого потенциала. Нелегальная же иммиграция выгодна вдвойне — по той простой причине, что именно бесправный нелегал особенно удобен для неограниченной эксплуатации. Выгоды от иммиграции ощущает каждый, кто сталкивается с иммигрантом как работодатель, арендодатель, потребитель услуг, даже «правоохранитель» и т. п. Подогреваемая некоторыми политиками и ведущаяся чиновниками борьба с иммиграцией, в том числе и нелегальной, зачастую приобретает характер замаскированного инструмента усиленной эксплуатации пришлового населения, иной раз даже под лозунгами защиты его прав. Нередко такая борьба

просто оказывается неэффективной, ибо направлена против очевидных экономических интересов собственного населения или, по крайней мере, какой-то его влиятельной части.

В Соединенных Штатах, например, «санкции против работодателей» оказались не очень эффективными, а американские политики по-прежнему занимают неоднозначную позицию в этом вопросе. Так, правительству США было известно, что до 80 % работников, убиравших урожай лука в штате Джорджия, являлись нелегальными мигрантами. Служба иммиграции и натурализации (СИН) пыталась выполнить свой долг, однако этому воспрепятствовали законодательные органы штата, заставившие СИН отступить... Работодатели в сельском хозяйстве, строительстве и низкооплачиваемом секторе услуг по-прежнему утверждают, что у них «должна быть возможность нанимать на работу иностранцев, даже если они находятся на нелегальном положении»⁵. Есть ли основания думать, что борьба с нелегальной иммиграцией в России будет более успешной, чем в Америке?

Если российский бизнес выигрывает от притока иммигрантов, то российский наемный работник может от этого и проиграть, так как предложение дешевого труда иммигрантов создает давление на рынок труда и способно ухудшить условия найма для работников и даже породить безработицу. Однако если оставить в стороне проблему абсолютного «избытка людей», явно надуманную в стране, которая находится в состоянии депопуляции, то все опять-таки сводится не к связке «мигранты — коренные жители», а к соотношению труда и капитала. Политика маргинализации мигрантов, формально направленная на защиту национального рынка труда, по сути, усиливает позиции капитала. Она расширяет его возможности — как эксплуатировать мигрантов, так и диктовать свои условия на рынке труда вообще. Отсюда, видимо, и «странное сближение позиций выступающих против иммиграции и отличающихся ксенофобией правых партий с позициями склоняющихся влево профсоюзов, обеспокоенных наличием дешевой нелегальной иностранной рабочей силы»⁶.

---

⁵ Лэнснес К., Ньюланг К. Цели и методы иммиграционной политики США // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М.: Гендальф, 2002. С. 203.

⁶ Коганьоне К. Миграционная политика как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М.: Гендальф, 2002. С. 22.

Этническая бомба?

Одна из основных тревог, которые российское общество испытывает в связи с иммиграцией, касается потенциального изменения этнического состава населения страны. В самом деле, сейчас примерно 80 % жителей России — русские, но, как отмечалось, если к концу века реализуется «стабилизационный» вариант демографического развития, то большую часть ее населения будут составлять мигранты и их потомки. К каким бы этническим группам ни относились мигранты, этнические русские в России станут меньшинством.

Нежелательность изменения этнического состава населения очень часто выступает в качестве одного из главных аргументов в пользу рестриктивной иммиграционной политики России. Этот довод, как ни парадоксально, кажется многим убедительным даже сейчас, когда его логика входит в явное противоречие с реальными процессами. До сих пор подавляющее большинство иммигрантов прибывали в Россию из постсоветских стран и были этнически русскими. Русские обеспечили весь прирост населения России в 1992 г., затем их доля в нетто-миграции снижалась, не опускаясь, однако, ниже 60 %. Еще около 10 % приходится на иные российские этнические группы — татар и др.⁷ Таким образом, нынешние антииммигрантские настроения, нередко националистически окрашенные, сформировались в условиях, когда реальная иммиграция способствовала не размыванию, а как раз укреплению моноэтничности России.

Но верно и то, что если Россия пойдет по пути реализации «стабилизационной» миграционной стратегии, то обществу придется принимать и интегрировать значительные потоки мигрантов, весьма далеких от русских в языковом, культурном и религиозном отношении. По некоторым оценкам, Россия в обозримом будущем может рассчитывать на привлечение примерно 3–3,5 млн этнических русских, еще примерно 0,5 млн представителей других коренных российских этносов, а также 3–4 млн представителей «титულных» народов бывших союзных республик, хотя и относящихся к другой культурной традиции, но, как правило, владеющих русским языком и тесно связанных с Россией историей последних двух столетий. «Переварить» такие потоки России было бы относительно несложно. Это тот самый

---

⁷ Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. М.: ИЭПП, 2004. С. 57.

ресурс, на эффективное использование которого должна быть направлена любая разумная стратегия (правда, из-за невятной российской миграционной политики уже сейчас происходит частичная переориентация на другие страны миграционных потоков из государств СНГ; в стратегической перспективе это чистая потеря для России). Но если приведенные оценки верны, то речь идет всего о 7–8 млн человек, тогда как на ближайшие 25 лет требуется втрое больше.

Таким образом, России не избежать серьезных изменений этнического состава населения. Почему эта перспектива так тревожит общественное мнение? Ответить на данный вопрос отнюдь не просто, учитывая, что на протяжении столетий Россия по своей воле все время расширяла этническое разнообразие своего населения, и это никогда не считалось бедой для государства. Прежде такого рода расширение оправдывалось территориальной экспансией России. Но сейчас подобная экспансия потеряла всякий смысл, акценты сместились: России, как и многим другим странам, недостает не территорий, а людей. Современный Иван Калита должен решать сегодняшние проблемы; собирание людей на самой большой в мире государственной территории было бы не менее мудрым государственным шагом, чем собирание земель более шести столетий назад.

Однако не станем упрощать проблему: различия в языке, культурных, религиозных, бытовых традициях нередко служат источником взаимного непонимания, усложняют взаимодействие между людьми. Но, помимо этого, активная миграция из развивающихся стран означает то, что основная масса «чужих» сосредоточивается в нижней части социальной пирамиды. Пожалуй, это и составляет главную трудность, причем возрастающую по мере увеличения масштабов и темпов миграции.

Хотя, прибывая в страну, иммигранты и готовы согласиться на любые условия, но по прошествии некоторого времени они начинают ощущать себя представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности. Эта ситуация блокирует или сильно замедляет ход их интеграции в принимающее общество, создает стимулы к внутреннему сплочению на основе консервируемых «этнических», традиционалистских ценностей, питает протестные, в том числе и экстремистские, идеологии, «этническую» преступность и т. п. Таким образом, массовая иммиграция и в самом деле способна превратиться в серьезный дестабилизирующий фактор, поскольку речь идет не о вымышленной, а о реальной опасности.

Даже в США, стране иммигрантов, гордо назвавшей себя «плавильным котлом», все громче звучат голоса в пользу ограничения иммиграции. «Иммиграция — острейшая проблема, требующая немедленного решения, ибо ставится вопрос о том, а кто мы, американцы, собственно, такие?»⁸. «Постоянный приток испаноговорящих иммигрантов угрожает разделить Соединенные Штаты на два народа, две культуры, два языка. В отличие от прошлых иммигрантских групп, мексиканцы и другие латиноамериканцы не ассимилировались в господствующую американскую культуру, формируя вместо этого свои собственные политические и лингвистические анклавы... и отвергая англо-протестантские ценности, которые создали американскую мечту»⁹. «Подобно Миссисипи, неторопливой, долгой и дарующей жизнь, иммиграция во многом обогатила Америку, о чем не позволит забыть наша история. Но когда Миссисипи выходит из берегов, опустошение остается чудовищное...»¹⁰.

Та же озабоченность слышна и в Европе. Выступая в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», Жан-Мари Ле Пен заметил: «Целые города Франции находятся в ситуации, когда они охвачены массовой волной иммиграции... Если мы не сделаем все возможное, чтобы решать свои внутренние проблемы внутри своих границ, и если мы уничтожим эти границы, мы будем потоплены этим потоком». А вот что говорит вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин, упоминая о «незаконных иммигрантах», которые «не тысячами, а миллионами готовы переселяться на нашу территорию из Китая или других стран»: «У нас 144 миллиона жителей в России. Если к нам приедут 300 миллионов иммигрантов из Китая, то возникнет вопрос: какой язык будет государственным?»

В самом деле, если в России окажется 300 млн китайцев, то возникнут вопросы и посерьезнее, но откуда взялась эта цифра? Согласно упоминавшемуся стабилизационному прогнозу, даже при очень высоком уровне иммиграции в Россию, необходимом для сохранения неизменной численности ее населения, нужно, чтобы в течение столетия в стране осело примерно 100 млн иммигрантов. Это, конечно, тоже немало, но все же не 300 млн, и к тому же совсем не обязательно, чтобы все иммигранты были китайцами. Стоит ли нагнетать страсти вместо того, чтобы трезво оценить реальные масштабы проблемы? Паника — не лучший способ поведения в трудные минуты.

⁸ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 187.

⁹ S. Huntington. The Hispanic Challenge // Foreign Policy. March — April, 2004.

¹⁰ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 187.

Способ выпустить пар

Совокупное население стран «северного кольца» — порядка 1,2 млрд. человек — составляет пресловутый «золотой миллиард». Сегодня это примерно 20 % населения планеты. Они занимают около 40 % мировой суши, а приходящаяся на них доля мирового богатства еще больше. Им — или, если угодно, нам — есть что терять, так что озабоченность в связи с нарастающим притоком пришельцев с Юга понять нетрудно. Но важно попытаться осмыслить проблему во всей ее сложности.

Все сторонники жесткого ограничения притока мигрантов, идет ли речь об американце Бьюкенене, французе Ле Пене, австрийце Хайдере или их российских единомышленниках, которым несть числа, убеждены, что ключ к решению вопроса находится в руках стран, принимающих мигрантов. Стоит только убедить их граждан в реальности миграционной опасности, принять жесткое миграционное законодательство, позволяющее регламентировать количество и качество допускаемых иммигрантов, отрасли экономики и регионы страны, в которые тех следует или не следует допускать, — и опасность миграционного потопа, а заодно и передела мирового богатства будет ликвидирована.

Подобные рассуждения учитывают интересы только одной стороны мирового миграционного взаимодействия — стран-реципиентов. Но ведь у этого взаимодействия есть и другая сторона: население стран — миграционных доноров. В начале XX в. в них проживало не более 1 млрд. человек, но уже сейчас число их жителей приближается к 5 млрд. Через 50 лет, даже при реализации наиболее благоприятных, хотя и не самых вероятных вариантов мирового демографического прогноза, оно может составить 7—8 или более млрд. Наивно думать, что все эти люди будут равнодушно и пассивно взирать на антимиграционную стену, возводимую странами «золотого миллиарда». На Юге стремительно увеличивается число тех, кого Север привлекает как огромное поле потенциальных возможностей, подобно тому как некогда их собственные края манили европейских мореплавателей и конкистадоров. Как сказал в одном из интервью генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, уже сейчас «многие люди во всем мире воспринимают Европу как континент неограниченных возможностей. Они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда-то отправлялись в Новый Свет, потому что видели в этом свой шанс».

Миграция в богатые страны, даже если она влечет за собой выполнение менее престижного и хуже оплачиваемого по меркам этих стран труда, позволяет мигрантам из бедных государств почти сразу же достичь более высокого, чем у себя на родине, уровня жизни, дать образование детям, приобщиться ко многим благам современной цивилизации и т. п. Она служит пусть и относительно скромным, но все же не совсем ничтожным механизмом перераспределения финансовых ресурсов между богатым Севером и бедным Югом. По оценке Всемирного банка, еще в конце 1980-х мигранты ежегодно передавали на родину часть своих доходов, составившую 65 млрд. долларов — сумму, уступавшую только совокупным доходам от продажи сырой нефти¹¹.

А в 2002 г., как заявил в упомянутом интервью Аннан, «мигранты перевели в развивающиеся страны более 88 млрд. долларов — на 54 % больше, чем те 57 млрд. долларов, которые развитые государства выделяют в качестве помощи развивающимся странам». Все это делает миграцию весьма привлекательной для новых и новых миллионов выходцев из стран Юга, и миграционное давление на «северное кольцо» растет.

Таким образом, современные международные миграции — это отнюдь не только механизм демографической и экономической «подпитки» депопулирующих стран «северного кольца», дозированной в соответствии с их потребностями. Может быть, что еще более важно, это один из факторов, который хоть как-то противостоит стремительному нарастанию демографического и экономического дисбаланса между Севером и Югом, позволяя понемногу выпускать пар из перегретого мирового котла. Так надо ли противодействовать растущему миграционному напору на развитые страны и возводить на его пути плотину, которая может и не устоять? Не будет ли более дальновидным задуматься над усовершенствованием миграционного клапана, увеличением его «пропускной способности» и рассматривать расширение миграционной емкости стран «северного кольца», а значит, и России, как самостоятельную задачу, выдвинутую историей и вытекающую не из одних лишь внутренних потребностей этих стран, а из всей глобальной ситуации?

---

¹¹ Kane H. Leaving home. State of the World 1995. New York: W.W. Northon & Co., 1995. P. 143.

Надо ли идти навстречу опасности?

Если опасности, связанные с массовой иммиграцией, дают о себе знать уже сейчас, при нынешних ее объемах, то не возрастут ли они многократно, если привлечение крупномасштабных миграционных потоков станет одной из самостоятельных стратегических целей? Такое развитие событий весьма вероятно, и это не может не требовать принятия уже сегодня стратегических решений. Как всегда, столкнувшись с серьезной угрозой, общество оказывается перед трудным выбором.

Можно понять крепнущее коллективное желание решить миграционные проблемы, опираясь на стратегию глухой обороны, максимально ограничить приток мигрантов в Россию: мол, не будет мигрантов, не будет и проблем.

Ну а если жизнь все-таки возьмет свое и плотина будет прорвана? Ведь нарастающее миграционное давление Юга на Север не случайно. Речь идет о процессах, которые по своей глубинной обусловленности сродни движению геологических пластов. На фоне сложнейшей глобальной социальной реальности возведение очередного «железного занавеса» вокруг одной страны или даже вдоль границы всего «северного кольца» выглядит средством слишком простым и мало-мощным, чтобы быть эффективным.

Не надежнее ли отказаться от попыток переиграть объективные процессы, перестать тешить себя иллюзиями собственной силы, которая позволит отсидеться за надежной стеной, и вместо этого выйти навстречу реальной опасности, с тем чтобы упредить нежелательное развитие событий? Все-таки главная глобальная драма современности разыгрывается не столько в физическом, сколько экономическом, социальном, культурном пространстве нашего многомерного мира. Там вызревают и главные угрозы, против которых бессильны пограничные заставы и контрольно-пропускные пункты. Туда и надо выдвигать главные силы.

А если это так, то не следует ли сменить всю «миграционную философию» и озаботиться ограничением ее отрицательных последствий? Задуматься над тем, как обезвредить «этническую бомбу», а неиспользованную взрывную энергию направить на созидательные цели?

Патрик Бьюкенен, обеспокоенный мексиканской экспансией в США, объясняет свою тревогу тем, что «у мексиканцев не только иная культура — в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывают, что людям разных рас слож-

нее ассимилироваться, нежели "родичам по расе"». Утверждения такого рода слышны и в Европе, и в России.

Спору нет, этнические перегородки затрудняют взаимопонимание между людьми. Но разве не возникают подобные же трудности при взаимодействии коренных столичных жителей и выходцев из сельской глубинки, образованных и неграмотных, богатых и бедных, даже если они выросли из одного этнического корня?

Можно ли устранить все эти перегородки и барьеры? Пусть и не сразу, и не без труда, и не за одно поколение, но сельское население может стать городским, неграмотное — высокообразованным, бедное — зажиточным. Это вроде бы не вызывает сомнения. А вот в отношении этнических перегородок такого единодушия нет. Более того, с легкой руки кремлевских идеологов советского времени этим перегородкам у нас всегда придавалось особенно большое значение. Замысловатые игры с «национальным строительством», реализация принципов этнотерриториального районирования, фиксация в советском паспорте национальности наряду с такими идентификационными параметрами, как дата и место рождения, обязательное указание этой характеристики во всех анкетах и личных делах, проведение опирающейся на нее кадровой политики и т. п. — все это придавало этнической принадлежности статус чего-то неизменного и чрезвычайно важного.

Кто станет отрицать значимость для человека исторической памяти своего народа, усвоенного с детства языка, родной культуры, религиозной традиции предков — всего того, из чего складывается его «этническая принадлежность»? Это очень важные ценности, но они не более чем часть общей системы ценностей, в которой не обязательно занимают самое главное место. И уж во всяком случае это место не остается неизменным на протяжении веков. Одно дело — жизнь в замкнутой горной долине или в глухой таежной деревне, другое — в Москве или Нью-Йорке. Хотим мы этого или нет, современная действительность выставляет свои требования и отодвигает многие локальные ценности, еще недавно казавшиеся основными, на второй план. И приходится смиряться с тем, что, к примеру, люди, приехавшие в США из трехтысячелетнего Китая, могут оставаться китайцами, сохранять китайский язык и китайские обычаи: ведь все равно самое существенное для них — принадлежность к американской нации, знание английского языка и умение ориентироваться в местной экономической и социальной среде. Именно так довольно долго работал американский «плавильный котел», хотя в последнее время он, кажется, стал давать сбои. Так, все громче звучат жалобы на то, что «идентичности, основанные на "крови и вере"» бросают вызов «национальной

идентичности Соединенных Штатов, так же как и других государств-наций», и что этот вызов не встречает должного ответа, в частности, из-за «распространения среди политиков и интеллектуалов доктрин мультикультурализма и разнообразия»¹². Нечто подобное происходило и в СССР — в той мере, в какой страна развивалась конвергентно с другими промышленными и городскими обществами. Но Советское государство, которое, неизменно обращаясь к лозунгам интернационализма, столь же неизменно дискредитировало их в своей практической «национальной политике», так и не позволило по-настоящему разгореться огню под своим «плавильным котлом».

Иоганн Готфрид Гердер, предтеча современного этнонационализма, утверждал, что «самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером. Этот характер сохраняется тысячелетиями»¹³. Правоверный советский гражданин был вполне готов к тому, чтобы подписаться под этим утверждением: советское «национальное по форме и социалистическое по содержанию» воспитание способствовало развитию этнического самосознания в ущерб самосознанию общегражданскому, оттесненному на второй план. Само понятие гражданской (а не этнической) нации никогда не воспринималось у нас массовым сознанием. За все это СССР расплатился исчезновением с географической карты, но его бывшие граждане, в том числе и россияне, унаследовали советскую иерархию ценностей и вошли с ней в постсоветскую эру.

Если она сохранится, приток в Россию большого количества мигрантов будет попросту невозможен: каждый пришелец с непривычным разрезом глаз или цветом кожи будет восприниматься как чужой, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде конфликтных ситуаций. Российский «плавильный котел» не может быть запущен «без магистрального доктринального поворота от этнического к гражданскому пониманию нации и национального, от сплочения на основе общего прошлого к сплочению на основе общего будущего. Без такого поворота страна увязнет в бесконечных этнических конфликтах и при нынешнем высоком уровне моноэтничности и, уж конечно, окажется неспособной к приему миллионов иноэтничных иммигрантов»¹⁴. Но, даже если такой поворот произойдет, это не означает автоматического бесконфликтного решения всех проблем, связанных с интеграцией

¹² *Huntington S.* The Hispanic Challenge.

¹³ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 250.

¹⁴ Перспективы миграции и этнического развития России. С. 95.

иммигрантов в российский социум. Главные проблемы лежат все же в социальной сфере, а она, как мы видели, весьма противоречива. Если опасность потери контроля над миграционными и интеграционными процессами существует даже в США, то тем более она актуальна для России, не имеющей американского опыта конструирования нации из иммигрантов. Так что для нас выработка и реализация дальновидной миграционной стратегии особенно важны.

Общество должно будет выстроить сложную и, скорее всего, дорогостоящую систему «сопровождения» вновь прибывающих, их обучения, вовлечения в российский культурный универсум и т. п. Было бы большой ошибкой, если бы мы взяли на вооружение популистские рекомендации Ле Пена, например такую: «Главное, чтобы люди, приезжая во Францию, знали, что ничего не будет для них бесплатно — ни школа, ни медицинское обслуживание, никакие социальные льготы, поскольку в первую очередь люди, которые создавали национальное наследие, должны пользоваться этими льготами». Возможно, Ле Пен забыл, что еще недавно Франция являлась второй по значению колониальной империей в мире и в создании французского национального наследия участвовали также жители весьма отдаленных от Франции стран. Так что мигранты из Алжира, Вьетнама или Французской Экваториальной Африки, как этот регион назывался до 1958 г., могут посчитать, что тоже имеют права на некоторые социальные льготы на родине Ле Пена.

Но даже если Ле Пен и прав, его подход весьма близорук. «Переработка» как можно большего числа прибывающих мигрантов, их «натурализация», превращение их самих и, уж во всяком случае, их детей в полноценных, лояльных граждан, разделяющих социокультурные традиции принимающих государств, отвечает глубинным интересам экономически развитых стран, да и всего мирового сообщества. И за это надо платить.

Ничего нового в такой стратегии нет. Ее давно уже реализуют все принимающие иммигрантов страны. Да и у России еще с екатерининских, а может быть, даже и с петровских времен есть немалый опыт приема в стране и немцев, и сербов, и болгар, и армян, и греков, которые вливались в российский «многонациональный народ», по выражению одних авторов, или в «многонародную нацию», как писали другие. Даже такой откровенный сторонник «России для русских», каким был царский генерал, одно время военный министр Алексей Куропаткин, утверждал, что «инородцы, которые сознательно выберут своим языком русский язык, своею родиною — Россию, своею службою и деятельностью только усилят русское племя»¹⁵.

* * *

Существует много факторов, подталкивающих Россию к скорейшей разработке и реализации активной иммиграционной стратегии. Главный из них — сокращение населения страны. Ведь численность населения у нас непрерывно падает, а при этом уменьшается и число инокультурных иммигрантов, которых страна способна «переварить» и интегрировать. Немаловажно и то, что в силу сокращения численности детей и молодежи российская система образования располагает сейчас резервами, которые как раз и могли бы быть использованы для «перековки» мигрантов в полноценных россиян, предоставления им среднего специального и высшего образования, профессиональной подготовки в сферах промышленности, строительства и обслуживания, обучения и воспитания их детей в русских школах, дошкольных и внешкольных учреждениях, создания широкой сети курсов русского языка для иностранцев и пр. Но эти резервы при отсутствии спроса на них могут очень быстро испариться.

Нельзя давать укрепляться антииммиграционным настроениям, и без того уже достаточно сильным в России. И политическая элита, и «простые люди» должны осознать, что мир переживает небывалые перемены и так, как было раньше, уже не будет. Иммиграция при всех ее угрозах и опасностях дает России шанс на выживание и даже на своеобразную мирную экспансию. Стратегия антииммиграционного изоляционизма и глухой обороны — это путь в никуда.

---

¹⁵ Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 3. СПб., 1910. С. 243.